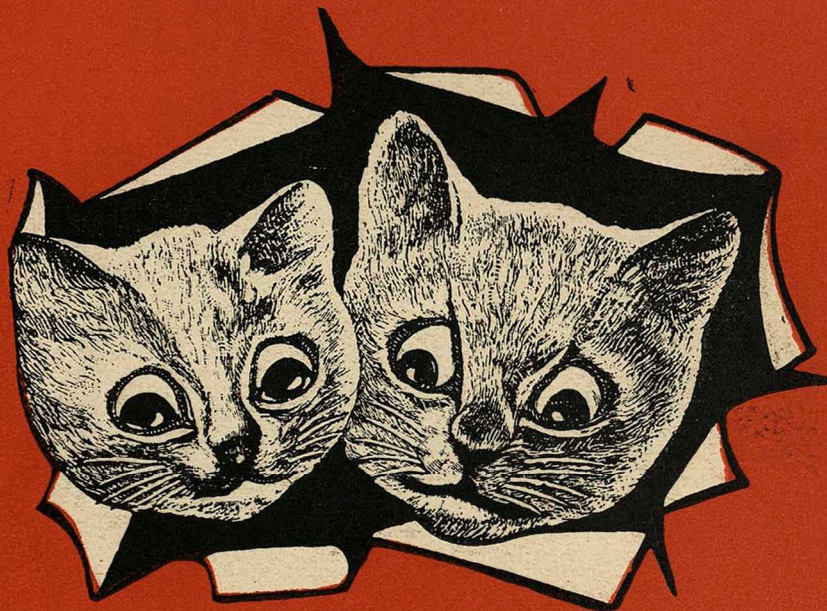

Годъ изданія пятый.

М А Й.

№ 13.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВѢРНЫЙ ДЖЭКЪ.
ПОЛДЕНЬ.
МАРУСЯ (повѣсть).
ВЕСНОЙ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Паровозъ для склеиванія.
«Въ уютномъ уголкѣ» (листь 7-й).
Выкройка шапочки и шляпки для дѣтей.

№ 13. Май 1912.

Годъ изданія V.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Надобдливая муха.

МОСКОВСКОЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ И РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
И. РУМЯНЦОВСКОГО МУЗЕЯ

ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.

2. «Вѣрный Джэкъ».

Насъ было двое и мы такъ были похожи другъ на друга, что наша мать различала насъ въ первое время только потому, что у одного изъ насъ былъ хвостъ черный, а у другого бѣлый. Мы двѣнадцать дней сосали материнское молоко и уже отлично приспособились узнавать все посредствомъ обонянія, какъ вдругъ неожиданно прозрѣли. Какъ только я открылъ глаза, масса свѣта ослѣпила меня, я видѣлъ какіе-то темные, расплывчатые предметы и только черезъ двѣ недѣли потомъ научился отличать плоскіе предметы отъ круглыхъ. Говорятъ, что точно такъ-же бываетъ и съ людьми, которые рождаются слѣпыми и затѣмъ уже впоследствии, послѣ докторской операціи, начинаютъ видѣть. Сначала ихъ ослѣпляетъ свѣтъ, затѣмъ они долго не могутъ отличать плоскаго отъ круглаго и близкаго отъ дальняго, а потомъ уже мало-помалу начинаютъ привыкать и осваиваться съ зрѣніемъ.

— Смотрите, смотрите! говорила намъ мать. — Приучайтесь къ свѣту! Такъ Богомъ нарочно устроено, чтобы вы прозрѣвали только на двѣнадцатый день! Пока вы были слѣпы, у васъ развивалось обоняніе, а вы знаете, что значитъ для собаки хорошее чутье? Если-бы вы

родились прямо зрячими, то все съ первой-же минуты стали-бы отыскивать не носомъ, а глазами! А теперь у васъ будетъ отличное чутье!

Скоро мы приспособились къ свѣту и выросли уже настолько, что стали выскакивать изъ своей корзинки и играть другъ съ другомъ на полу. На насъ съ умиленіемъ смотрѣла наша мать и иногда тоже принимала участіе въ нашихъ играхъ. Мы слышали доносившійся до насъ со двора собачій лай и сами тоже брехали своими тоненькими, еще не установившимися, голосками, не зная, на кого и для чего.

— Лайте, лайте! говорила намъ мать. — Собаки — животныя стадныя. Онѣ любятъ компанію себѣ подобныхъ и скупаютъ въ одиночку. Только одинъ человѣкъ и можетъ замѣнить для собаки все! Безъ компаніи собака можетъ затосковать и умереть.

Черезъ шесть недѣль мы перестали сосать материнское молоко, но мать по прежнему относилась къ намъ нѣжно и ласково и цѣлые часы проводила съ нами въ играхъ и въ вознѣ на дворѣ, куда насъ стали выпускать въ теплые, солнечные дни. Въ одинъ изъ такихъ дней къ крыльцу нашего дома

подъѣхалъ вдругъ автомобиль. Мы никогда еще его не видали, испугались его и, поджавъ хвосты, стали на него лаять.

— Ахъ, какіе очаровательные псы! воскликнулъ вдругъ господинъ, выйдя изъ дворецъ автомобиля.— Въ особенности тотъ, съ чернымъ хвостомъ!

И онъ указалъ вышедшему къ нему навстрѣчу нашему хозяину на меня.

Прошелъ часъ. Приѣхавшій господинъ вышелъ изъ дома и снова сѣлъ въ автомобиль.

— Никита! обратился нашъ хозяинъ къ швейцару.— Поймай вонъ того щенка съ чернымъ хвостомъ и передай барину!

Я сначала не понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, но когда Никита подошелъ ко мнѣ и протянулъ ко мнѣ свои большія руки, то я испугался и присѣлъ. Мать оскалила на него зубы, но онъ отстранилъ ее ногой и, поднявши меня съ земли, передалъ меня господину въ автомобиль.

— Иди, иди сюда! ласково обратился ко мнѣ господинъ.— Вотъ такъ! Садись сюда!

И онъ засунулъ меня къ себѣ за пазуху. Я высунулъ изъ щелки въ его сюртукъ свою мордочку и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сталъ смотрѣть, что будетъ дальше.

— Пошелъ! скомандовалъ господинъ.

Автомобиль снялся съ мѣста и,

гремя и покачиваясь, помчался во весь духъ. Я хотѣлъ было въ послѣдній разъ поглядѣть на мать, но мнѣ это не удалось, и чувство безумнаго страха овладѣло всѣмъ моимъ существомъ. Я заскулилъ.

— Не бойся! ободрилъ меня господинъ.— Тебѣ будетъ хорошо.

Отъ качки у меня закружилась голова.

Я не помню, сколько времени мчались мы по шоссе. Всю дорогу я слышалъ запахъ бензина и резиновыхъ шинъ, который заглушалъ въ моемъ обоняніи всѣ остальные запахи, и я понялъ, что теперь мнѣ не найти дорогу назадъ уже никогда.

— Ну, вотъ мы и приѣхали! обратился ко мнѣ господинъ, когда мы остановились около какого-то дома въ большой, богатой помѣщичьей усадьбѣ.

Все еще держа меня за пазухой, господинъ вышелъ изъ автомобиля и вошелъ въ домъ.

— Папочка! Папа приѣхалъ! вдругъ раздался чей-то радостный голосъ и въ переднюю выбѣжалъ мальчикъ лѣтъ восьми въ свѣтломъ матросскомъ костюмѣ и съ большими, русыми волосами, волнами падавшими ему на плечи, и бросился къ нему на шею.

— Подожди, подожди! воскликнулъ отецъ.— Задавишь!

— Задавлю? Кого? удивился мальчикъ.

— А вотъ посмотри!

Онъ разстегнулъ сюртукъ и вытащилъ меня на волю.

— Какой хорошенькій! воскликнулъ мальчикъ.

Господинъ протянулъ меня къ нему.

— Сегодня день твоего рожденія, Арикъ, сказалъ онъ, — такъ вотъ возьми его себѣ въ подарокъ.

Арикъ взвизгнулъ отъ радости, схватилъ меня въ охапку, прижалъ къ себѣ и побѣждалъ со мною въ комнаты.

— Тихе, тихе, Арсеній! крикнулъ ему вслѣдъ отецъ. — Такъ ты его можешь задавить!

Арикъ тотчасъ-же принялся меня ласкать, кормить и не прошло и двадцати минутъ, какъ я уже подружился съ нимъ и съ громкимъ лаемъ бѣгалъ за нимъ по всему дому и саду и старался ухватить его за пятки.

Арикъ росъ совершенно одинъ. Онъ былъ сирота, у него не было матери, а его отецъ то и дѣло уѣзжалъ на автомобилѣ по дѣламъ, и мы на цѣлые дни оставались вдвоемъ. Няня Андреевна заботилась о насъ обоихъ, давала намъ ѣсть и пить и только иногда, когда я забывался и былъ неприличенъ, она захватывала все мое ухо въ свою ладонь и трепала за него такъ, что у меня кружилась голова и мутилось въ глазахъ.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. ворчала она при этомъ.

Затѣмъ она выпускала мое ухо

изъ ладони, я встряхивался и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова принимался съ Арикомъ за игру. Я полюбилъ его такъ, что могъ-бы отдать теперь за него свою жизнь. Ложась спать, онъ укладывалъ меня съ собою, безъ меня не ѣлъ и не пилъ, и дѣлилъ со мною всѣ свои радости и горе. Повидимому, я замѣнилъ ему брата и друга, мое присутствіе въ домѣ наполнило его скучную, одинокую жизнь и съ каждымъ днемъ я сталъ все болѣе и болѣе понимать, что насъ теперь не могло-бы разлучить ничто и что если-бы Арика взяли отъ меня или меня отъ него, то я преодолѣлъ-бы всѣ препятствія, чтобы только снова возвратиться къ нему назадъ. И гдѣ-бы я ни находился, стоило только ему сказать одно только слово „Джэкъ“, какъ я уже со всѣхъ ногъ бросался къ нему, глядѣлъ ему въ самые глаза и старался уловить каждое его желаніе еще прежде, чѣмъ онъ его высказывалъ. Вѣдь собаки умѣютъ узнавать желаніе своего хозяина даже и безъ словъ. Онѣ умѣютъ узнавать перемѣну погоды даже за цѣлый день впередъ. Иногда передъ грозой Арикъ дѣлалъ непріятное выраженіе губъ и говорилъ:

— Уйди, Джэкъ, отъ тебя непріятно пахнетъ!

И мнѣ хотѣлось сказать ему, что такъ и должно быть, потому что передъ грозой отъ насъ, собакъ, всегда исходитъ особый запахъ, по

которому безошибочно можно узнать переменѣну погоды. Задолго передъ тѣмъ, какъ должны были начаться длинные дождливые дни, я всегда садился подъ стулъ или забивался подъ кровать и когда Арикъ звалъ меня играть съ собою, то мнѣ такъ и хотѣлось ему отвѣтить:—

— Развѣ ты не видишь, что я этимъ предсказываю дурную погоду? Каждая собака передъ большимъ дождемъ садится подъ навѣсъ!

Такъ шли дни заднями. Я скоро выровнялся въ красивую, веселую собачку, перемѣнилъ на третьемъ мѣсяцѣ свои зубы, а еще черезъ три мѣсяца достигъ своего полного роста. По прежнему я всегда состоялъ при Арикѣ, зорко оберегалъ его и по прежнему старался уловить каждое его малѣйшее желаніе. Какъ и всякая собака, я любилъ поспать, видѣлъ сны, бредилъ, но сонъ мой всегда былъ чутокъ, я засыпалъ и пробуждался по пятидесяти разъ въ день, такъ что Арику иной разъ даже вовсе и не казалось, что я спалъ. Однажды я лежалъ на подоконникѣ и дремалъ на солнышкѣ, когда вдругъ почувялъ, что къ намъ въ переднюю вошелъ кто-то чужой. Съ громкимъ лаемъ я бросился туда и увидѣлъ тамъ какую-то смуглую женщину въ лохмотьяхъ. Она не понравилась мнѣ съ первого-же взгляда и я сталъ хватать

ее за подоль. Вслѣдъ за мной выбѣжалъ въ переднюю и Арикъ.

— Замолчи, Джэкъ! крикнулъ онъ на меня.

Я замолчалъ.

— Подай, красавецъ, милостыньку! заговорила женщина.—Протяни ко мнѣ свою рученьку, я тебѣ погадаю!

Вышла няня Андреевна, отрѣзала этой женщинѣ кусокъ хлѣба и дала ей двѣ копейки.

— Дай я тебѣ, нѣжная моя, погадаю! продолжала смуглая женщина.—Всю правду тебѣ расскажу, все скажу, что тебя ожидаетъ впереди за твою милостыню и доброту ангельскую!

Няня Андреевна протянула къ ней руку, она что-то ей поговорила, глядя ей на ладонь. Затѣмъ прибѣжала кухарка и тоже попросила ее погадать, за ней пришли еще двѣ дѣвушки, горничная и судомойка и скоро только и было слышно въ домѣ, что слово „Цыганка! цыганка!“

Предсказавъ всѣмъ судьбу, цыганка указала на Арика и спросила:

— А это чей-же мальчикъ? Кто его мать?

— У него нѣтъ матери, отвѣтила ей няня.—Онъ сирота и растеть одинъ.

— А гдѣ-же его папашенька?

— Онъ уѣхалъ надолго изъ-дому по дѣлу и мы остались одни. Что дѣлать, милая моя? Сиротамъ-то на

свѣтъ не сладкое житье! Ты вотъ все богатства намъ всѣмъ сулишь, а вотъ онъ и богатъ, да безъ матери и безъ отца—все одинъ! Не обрадуешься и деньгамъ. На что онъ ему?

У цыганки блеснуло что-то недоброе въ глазахъ, что могъ замѣтить только я одинъ, благодаря своему собачьему чутью. Я заворчалъ. Она засбиралась уходить.

— Прощайте, красавицы! сказала она.— Счастливо вамъ оставаться! Ходите вамъ въ серебрѣ, да въ золотѣ!

И дойдя до порога, она вдругъ обернулась.

— Проводиль-бы кто-нибудь изъ васъ меня отъ собакъ! сказала она.— Последнее платъишко порвутъ окаянныя!..

— Ничего, ничего, бабушка! успокоила ее кухарка.— Иди себѣ съ Богомъ! Собакъ у насъ во всей усадьбѣ нѣтъ! Вотъ только одинъ этотъ бѣленькій и есть!

И она указала ей на меня. И снова у цыганки блеснулъ въ глазахъ недобрый огонекъ. Я съ громкимъ лаемъ бросился на нее и не унялся до тѣхъ самыхъ поръ, пока она не вышла наконецъ совсѣмъ изъ усадьбы.

Еле-уловимый, совершенно не слышный для людей, запахъ остался послѣ цыганки въ передней и еще долго не давалъ мнѣ покоя. Мнѣ хотѣлось догнать ее, полаять на нее и больно укусить ее за

ногу. И, улучивъ минуту, когда Арикъ занялся чѣмъ-то у себя въ дѣтской одинъ, я выскочилъ на дворъ, нашель чутьемъ шага цыганки и побѣжалъ по нимъ изъ сада. Въ полуверстѣ отъ нашей усадьбы я увидалъ цыганскій таборъ и тихонько подошелъ къ нему съ противоположной стороны, чтобы меня не замѣтили. Старуха-цыганка только что пришла туда и рассказывала какому-то цыгану о томъ, что видѣла въ усадьбѣ.

— Вотъ хорошо-бы забратъся туда ночью! заключила она свой рассказъ.— Собакъ нѣтъ, во всемъ домѣ только однѣ бабы, да маленькій мальчикъ!.. Можно было-бы хорошо заработать!..

Цыганъ подумалъ и встряхнулъ лохматой головой.

— Навѣрное, все ночью будетъ тамъ заперто, отвѣтилъ онъ,— и пришлось-бы ломать замки. Поднимешь весь домъ... Гораздо лучше украсть самого мальчишку и подкинуть въ усадьбу письмо, что если не положить на такое-то мѣсто двухсотъ рублей, то и мальчишку не увидятъ, какъ своихъ ушей. Этотъ способъ будетъ лучше!

И онъ еще долго разговаривали на какомъ-то непонятномъ для меня языкѣ. Я тотчасъ-же въ тревогѣ побѣжалъ домой. Арикъ бродилъ по саду и искалъ меня. Увидѣвъ меня, онъ обрадовался, сталъ меня ласкать, а я хотѣлъ рассказать ему обо всемъ, дѣлалъ ему знаки,

но онъ не понималъ меня и такъ и остался въ невѣдѣніи о томъ, что могло ожидать его впереди. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ собаки не умѣютъ говорить по-человѣчьи! Отъ сколькихъ бѣдъ онѣ предупредили-бы тогда людей!

Боясь появленія цыганки, я то и дѣло сталъ бѣгать къ калиткѣ и заглядывать на дорогу. Въ одно изъ такихъ моихъ отсутствій ко мнѣ прибѣжалъ вдругъ Арикъ и прицѣпилъ мнѣ цѣпочку къ ошейнику.

— Ты сталъ убѣгать отъ меня, Джэкъ, сказалъ онъ. — Мнѣ надоѣло оставаться одному. Теперь ты будешь у меня на привязи. Пойдемъ гулять!

И онъ потащилъ меня въ поле.

Я заскулилъ, залаялъ, что значило на моемъ языкѣ: „Не ходи туда, тамъ опасно“; но онъ опять не понялъ меня, пошелъ и я покорно послѣдовалъ за нимъ. Не успѣли мы отойти отъ усадьбы и двухсотъ шаговъ, какъ изъ канавы выскочили цыганка и ея мужъ, онъ схватилъ на руки Арика, а цыганка потащила за цѣпь меня, они украли насъ и скоро привели насъ къ себѣ въ таборъ. Арикъ плакалъ и метался, я визжалъ, лаялъ и кусался, но не помогло ничто. Арика запрятали въ глубину шалаша, а меня привязала на цѣпь къ колесу телѣги и я горько плакалъ и тосковалъ.

— Убей его! говорила цыганка

своему мужу, — указывая на меня. — Своимъ глупымъ воємъ онъ выдастъ насъ и приведетъ сюда людей.

— Ничего! отвѣтилъ ей мужъ. — Мы возьмемъ выкупъ и за него! Повоеетъ и перестанетъ!

Затѣмъ онъ написалъ карандашомъ на клочкѣ бумаги письмо и отправился къ усадьбѣ, чтобы его тамъ подкинуть. Возвратился онъ черезъ часъ и долго потомъ разговаривалъ по цыгански со своей женой.

— Я назначилъ имъ мѣсто около дороги, сказалъ онъ наконецъ порусски. — Они положатъ деньги на пенёкъ и отойдутъ въ сторону, а ты тѣмъ временемъ выведешь мальчишку и собаку и оставишь ихъ на дорогѣ. Я схвачу деньги и мы оба вмѣстѣ убѣжимъ, а они возьмутъ своего мальчугана и уведутъ его домой... Только смотри, не оставай и не попадись имъ въ руки!

На другой день вечеромъ цыганъ отправился вперёдъ къ пеньку, а цыганка взяла Арика за руку, а меня за цѣпочку и неспѣша послѣдовала за нимъ. Съ какимъ наслажденіемъ я побѣждалъ-бы вперёдъ и предупредилъ-бы хозяевъ обо всемъ! Но цѣпь была крѣпка и ошейникъ былъ сдѣланъ изъ прочной кожи. Арикъ шелъ молча, понуривъ голову, и уже не плакалъ. Видно было, что онъ выплакалъ за ночь уже всѣ свои слезы.

Какъ вдругъ мы услышали пе-

На дачѣ.

На самой вершинѣ.

редь собою чьи-тоторопливые шаги. Изъ-за кустовъ выскочилъ нашъ цыганъ съ испуганнымъ лицомъ и замахалъ рукою.

— Назадъ, назадъ! закричалъ онъ намъ.—Скорѣе въ дорогу! Запрягайте скорѣе и немедленно-же отправимся въ путь! Около пенька, на условленномъ мѣстѣ, оказалась полиція. Если-бы я подошелъ къ деньгамъ, то меня схватили-бы и повели-бы въ острогъ. Скорѣе, скорѣе!

И они поспѣшно возвратились къ себѣ въ таборъ, запрягли лошадей и вмѣстѣ съ другими цыганами во весь духъ помчались куда-то далеко. Бѣдный Арикъ сидѣлъ въ уголку кибитки и горько плакалъ, а я рвался и метался, стараясь вырваться и убѣжать, но сильная рука цыгана сдавила мнѣ горло такъ, что я еле могъ дышать.

— Повторяю тебѣ—убей его! говорила ему старуха.—Онъ выдастъ насъ!

— Ничего! отвѣчалъ ей цыганъ.—Онъ очень хорошей породы... Его за дорогую цѣну можно продать...

Должно быть, мы отѣхали уже далеко, потому что наступила уже ночь, когда мы остановились и расположились ночлегомъ на дугу. Цыганъ вбилъ въ землю колъ и привязалъ меня на ночь къ нему и я до утра не смыкалъ глазъ и все думалъ о своемъ маленькомъ господинѣ. Когда-же настало ран-

нее утро, то изъ кибитки вышелъ какой-то странный мальчикъ и ласково мнѣ зашепталъ: — „Джэкъ, Джэкъ!“

Я тотчасъ-же узналъ Арика, заскулилъ и завилалъ ему хвостомъ, не смотря на то, что лицо и руки у него теперь были вымараны въ какую-то краску, которая придавала ему смуглый видъ, и его прекрасные волосы были теперь острижены. Вмѣсто дорогого, фланелеваго костюмчика на немъ были теперь какіе-то грязные лохмотья и вмѣсто шляпы на головѣ болтался рваный платокъ. Онъ склонился надо мной и сталъ горько плакать. Я лизалъ его въ лицо.

— Милый, дорогой мой Джэкъ, шепнулъ онъ, а слезы такъ и струились у него по щекамъ.—Ты видишь, какъ они измазали меня и во что нарядили, чтобы только никто не догадался, что я у нихъ? Теперь они завезутъ насъ далеко, а потомъ и разлучатъ: сегодня-же они продадутъ тебя въ городъ, кому-нибудь чужому, а меня...

Онъ не докончилъ и вдругъ глаза его засвѣтились надеждой.

— Знаешь, что, Джэкъ? шепнулъ онъ мнѣ.—Давай бѣжимъ! Они всѣ еще спятъ!

Я потянулъ за цѣпь, но она была крѣпка. Тогда Арикъ развязалъ на мнѣ ошейникъ, и я оказался на свободѣ.

— Но только какъ мы теперь найдемъ дорогу домой? вздохнулъ

Арикъ и слезы опять показались у него на глазахъ.

Бѣдняжка! Онъ и не подозрѣвалъ, что для меня это не составляло никакого труда!

Я подбѣжалъ къ лошадямъ, обнюхалъ ихъ копыта, полизалъ у телѣгъ и кибитокъ ихъ колеса и, запомнивъ ихъ запахъ, сталъ отыскивать его на травѣ и по дорогѣ. Скоро я попалъ на слѣдъ и побѣжалъ впередъ. Арикъ слѣдовалъ за мною. Мы бѣжали бѣгомъ, насколько хватало у насъ силъ и боясь оглянуться назадъ. Тѣмъ временемъ стало всходить солнце, пробудилась жизнь, закричали птицы и на лугахъ замычали стада. Поднимался въ низинкахъ туманъ, и было похоже на то, что будетъ жаркій, солнечный день. Я и Арикъ не ѣли уже около двухъ сутокъ, если не считать тѣхъ сухихъ корокъ хлѣба, которыя раза два бросила намъ цыганка, и потому у насъ скоро не хватило силъ. Пробѣжавъ версты три, Арикъ сталъ ослабѣвать и, схватившись за грудь, опустился вдругъ на траву.

— Нѣтъ, не могу!.. сказалъ онъ. — Я усталъ... У меня не хватаетъ силъ!

Видя, что онъ больше уже не въ состоянii идти, я схватилъ его за лохмотья и потянулъ за нихъ такъ, что онъ долженъ былъ встать.

— Я не могу больше идти, Джэкъ, жалобно сказалъ онъ. — У меня болятъ ноги и животъ и мнѣ очень хочется пить.

Тогда я потащилъ его въ ближайшій лѣсъ, завелъ его въ кусты такъ, чтобы его тамъ не отыскалъ никто, и когда онъ снова опустился на землю, то я бросился къ нему на грудь долго лизалъ его въ лицо и въ руки, а затѣмъ со всѣхъ ногъ пустился бѣжать къ усадьбѣ. Арикъ остался одинъ, но это ничего. Я долженъ его спасти!

Я долго еще слышалъ какъ онъ мнѣ кричалъ вслѣдъ: „Джэкъ! Джэкъ!“, пока наконецъ голосъ его не ослабѣлъ совсѣмъ и не смолкъ позади меня въ лѣсу.

Я бѣжалъ такъ быстро, какъ только могъ. Солнце взошло уже высоко, было жарко, но такъ какъ мы, собаки, не потѣемъ никогда, то я высунулъ для охлажденiя языкъ и такъ бѣжалъ съ нимъ, какъ съ болтавшейся сбоку морды тряпкой. Бывали случаи, когда я сбивался со слѣда, и тогда мнѣ приходилось возвращаться назадъ и снова отыскивать свой путь. Черезъ часъ я былъ уже около того мѣста, гдѣ два дня тому назадъ была стоянка цыганъ недалеко отъ усадьбы, а черезъ десять минутъ уже царапался съ лаемъ къ себѣ въ кухонную дверь. Это былъ первый мой серьезный подвигъ: я отыскалъ дорогу домой по слѣдамъ, которые уже вывѣтрились и были оставлены на дорогѣ двое сутокъ тому назадъ.

— Джэкъ! Джэкъ вернулся! раз-

дались радостные голоса.—Идите сюда все! Вернулся Джэк!

И все, кто только был в усадьбе, обступили меня со всех сторон. Я полагал воды и, полаяв так, чтобы меня поняли, зачѣм я прибѣжал, снова выбѣжал из кухни и со всех ног помчался назадъ къ Арику. Теперь мнѣ предстояло еще болѣе серьезный труд: найти дорогу къ Арику по своимъ же собственнымъ слѣдамъ. Дуль вѣтеръ и пыль застилала ихъ, но я чуялъ ихъ и со всех ногъ бѣжалъ впередъ. Позади меня гремѣлъ автомобиль, на немъ ѣхалъ отецъ Арика и старался отъ меня не отставать.

— Впередъ, впередъ, Джэк! подбодрялъ онъ меня.—Ищи, умная, преданная собака! Шерш!

Я еле держался на ногахъ, мнѣ было трудно отыскивать слѣды, потому что вѣтеръ дулъ не противъ меня, а за мной, и доносилъ до меня отъ автомобиля запахъ резины и бензина, заглушавшій запахъ моихъ слѣдовъ. Тѣмъ не менѣе я мчался, насколько хватало у меня силъ, и когда прибѣжалъ наконецъ къ тому лѣсу, гдѣ находился мой молодой хозяинъ, то сталъ громко лаять. Затѣмъ я завылъ. Что, если онъ ушелъ оттуда или его снова схватили цыгане и увезли?

Но онъ оказался тамъ. Онъ все еще былъ тамъ, но лежалъ уже безъ чувствъ на травѣ. Лицо его

было блѣдно, какъ у мертвеца, но я тотчасъ-же почувялъ, что онъ еще живъ, бросился къ нему и сталъ лизать его въ лицо. Собаки никогда не лизутъ покойниковъ. При этомъ я громко лаялъ и визжалъ.

Арикъ скоро пришелъ въ себя и открылъ глаза.

— Джэк!.. тихо произнесъ онъ и снова впалъ въ забытѣе.

Въ это время у опушки лѣса послышался шумъ автомобиля.

— Джэк! Джэк! Гдѣ ты? до-несся до меня голосъ отца.—Отзовись!

Я громко залаялъ ему въ отвѣтъ и скоро, раздвинувъ кусты, около насъ появился нашъ старый хозяинъ. Онъ бросился къ Арику, но сначала не узналъ его, а потомъ пришелъ въ ужасъ и въ изумленіе, схватилъ его на руки и бѣгомъ отправился къ автомобилю. Я бѣжалъ впередъ и громко лаялъ.

Отецъ уложилъ Арика къ себѣ на колѣни, я вскочилъ на переднее мѣсто, хотя меня къ этому вовсе и не приглашалъ никто, шофферъ повернулъ рычагъ, автомобиль вздрогнулъ, и мы помчались домой.

Всю дорогу я радостно лаялъ и мнѣ казалось, что вмѣстѣ со мною радовалась и вся природа: и деревья, и птицы, и солнце, и поля. А когда мы пріѣхали домой, то къ моей радости присоединилась еще

и радость всѣхъ домашнихъ. Всѣ ласкали меня, давали мнѣ сахару и говорили только обо мнѣ.

— Ай, да Джэкъ! Молодецъ Джэкъ! Если-бы не Джэкъ, то намъ-бы не видать нашего Арика уже больше никогда!

А недѣлю спустя, хозяинъ привезъ мнѣ изъ города дорогой ошей-

никъ, на которомъ были вырѣзаны слѣдующія слова:—

„Вѣрный Джэкъ. Лучшая собака въ мірѣ“.

Я носилъ этотъ ошейникъ, гордился имъ и съ этихъ поръ ужъ ни на шагъ не отходилъ отъ Арика и не оставлялъ его одного.

М. Б—скій.

ПОЛДЕНЬ.

Словно сталь, рѣка сверкаетъ!
Даль отчетливо видна...
Солнце сильно припекаетъ,
Пахнутъ травы... Тишина...

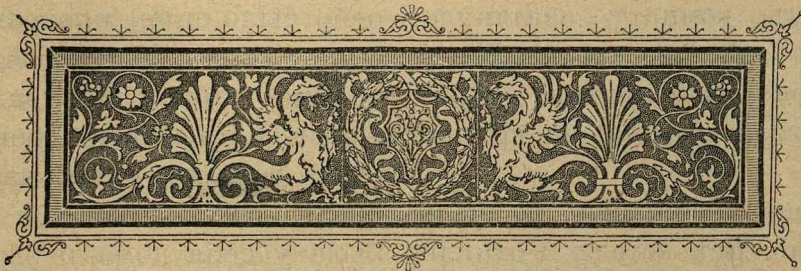
Надо мной березки гибкой
Не шелохнутся листы...
Къ солнцу ясному съ улыбкой
Обернулись всѣ цвѣты...

И молчатъ на ивахъ сонныхъ
Пташки всѣ... Вокругъ меня
Лишь стрекозъ неугомонныхъ
Раздается трескотня...

За рѣкою рядъ избушекъ,
Нивы, сломанный плетень...
Слышенъ гдѣ-то крикъ кукушекъ...
Душень, зноень лѣтній день!..

Клонить спать... Предо мною
Даль отчетлива, свѣтла...
И уставшая отъ зноя,
Вся природа замерла...

А. Н.

МАРУСЯ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Всю ночь Маруся не могла успокоиться, не спала и все думала о графѣ и графинѣ. Кто этотъ неизвѣстный Игнатій, о которомъ они говорили въ аллеѣ? Кто та дѣвочка, о которой упомянула ей старуха Еремѣевна? И неужели-же этой милой семьѣ, къ которой Маруся уже такъ привыкла и въ которой такъ полюбили ее всѣ, грозила такая серьезная опасность? Неужели слова графа оправдаются и вся его семья останется нищей.

И Маруся ворочалась, негодовала на себя, что такъ нечаянно подслушала разговоръ, который смутилъ ея сердце, и въ то-же время была довольна, что узнала такую важную тайну, въ которой ей хотѣлось-бы сыграть роль спасительницы и быть полезной.

Наступалъ конецъ лѣта, ночью было уже темно, но все еще разсвѣтало рано, и когда наконецъ сквозь бѣленькія занавѣски къ Марусѣ въ комнату заглянуло солнце, то она уже спала. Какъ ни была она взволнована, но молодость взяла свое и она крѣпко заснула.

Когда она проснулась, то было уже поздно. Всѣ встали и отпили уже кофе и чай. Дѣти были уже

въ саду, играли гдѣ-то далеко и во всемъ домѣ было тихо. Графъ по обыкновенію уѣхалъ въ поле верхомъ, чтобы распорядиться работами, а графиня сидѣла у себя въ будуарѣ и вышивала. У нея болѣла голова. Въ такія минуты ее не беспокоилъ никто и о болѣзни ея головы узнавали по закрытымъ дверямъ. Маруся хотѣла было поздороваться съ ней, но увидѣвъ, что двери были заперты, не стала ее тревожить и прошла въ столовую. Здѣсь стоялъ кофейникъ и кипѣлъ, очевидно дожидаясь ея. Ей стало неловко, она отпила наскоро кофе, позвонила Гаврилѣ Николаевичу, чтобы онъ убиралъ, и надѣвши шляпку, побѣжала къ старухѣ.

Былъ ясный, августовскій день. Пахло пожелтѣвшей листвою, хотя зелени было еще достаточно, и повсюду летали паутинки. Кажется, ночью былъ утренникъ, потому что небо было сине, прозрачно и ясно и въ тѣни было холодно, а на солнце жарко. Маруся бѣжала и вдыхала въ себя здоровый, душистый воздухъ и ей казалось, что среди этихъ лѣсовъ и полей она была у себя дома и была своя и самая мысль о томъ, что когда-

нибудь она уѣдетъ отсюда, пугала ее и уже не укладывалась въ ея головѣ.

Но вотъ ужъ и избушка няни-Еремѣевны. Калитка оказалась незапертой и Маруся въ нее вошла.

— Кто тамъ? спросила старушка, заслышавъ въ сѣняхъ ея шаги.

— Это я, бабушка, ласково отвѣтила дѣвочка. — Пришла тебя провѣдать. Какъ твоѣ здоровье?

Она вошла въ избушку. Кругомъ было какъ-то холодно и неуютно. Старуха была больна, лежала въ постели.

— Ахъ, это ты, мой Ангелъ Божій? простонала она.—Ну, спасибо тебѣ, что ты пришла!.. Богъ тебя за это не оставитъ!.. А я вотъ хвораю нынче... Моченьки моей нѣтъ!

По ея виду Маруся поняла, что она не вставала съ утра.

— Да ты, бабушка, фла-ли сегодня что-нибудь? спросила она.

— Нѣтъ еще, милая, не фла... отвѣтила Еремѣевна. — Гдѣ ужъ?.. Вотъ полежу еще немного, отлежусь, да и встану... Тогда и поѣмъ!

Марусю больно кольнула въ сердце безпомощность старухи. Она вспомнила, что у нея была коза, что ее давно уже слѣдовало бы подоить и дать корму курамъ, и, ни слова не сказавъ, взяла съ полки чашку и вышла на дворъ. Оглядѣвшись по сторонамъ, она замѣтила дверь въ хлѣвокъ и от-

ворила ее. Давно уже ожидавшія свободы куры выпорхнули изъ нея, она вошла въ хлѣвокъ и заглянула въ гнѣздо. Тамъ оказалось свѣженькое, только-что снесенное яичко. Она взяла его и отложила въ сторону. Затѣмъ она подошла къ козѣ, погладила ее, приласкала и, подставивъ чашку, принялась ее доить. Какъ ей вспомнилась при этомъ ея жизнь въ далекой Криничкѣ! Точно такъ-же и тамъ она ходила каждое утро въ хлѣвъ и въ курятникъ, и обирала изъ-подъ куръ яйца и доила козъ и даже корову! Какое это было счастливое время! Корова и коза знали ее и когда она ихъ доила, то онѣ лизали ее въ плечо. А одинъ разъ коза, играя, откусила у нея пуговицу отъ кофточки и проглотила, но все обошлось благополучно. Цѣлы-ли онѣ все теперь? Живы-ли и здоровы-ли все милые обитатели Кринички? Какъ-то они все живутъ безъ нея? Вспоминаютъ-ли они о ней хоть изрѣдка?

Подоивъ козу, Маруся отвязала ее и выпустила на дворъ, на травку. Поднявши затѣмъ съ земли яйцо, она отправилась къ старушкѣ.

— Попей, бабушка, молочка!.. сказала она.—А вотъ и яичко! Я сейчасъ тебѣ его сварю!

Старуха не ожидала такой услуги.

— Ахъ ты моя красавица! воскликнула она. — Да откуда тебя прислалъ ко мнѣ Господь!

Молоденькія совы.

Маруся поднесла къ ней чашку. Еремѣевна приподнялась, подложила себѣ подъ спину подушку и съ жадностью отпила молока. Замѣтно было, что ее уже давно томила жажда. Утоливъ ее, старушка подняла глаза на икону и долго и безмолвно крестилась. Затѣмъ Маруся поставила ей самоваръ. Самоварчикъ былъ небольшой, угли и лучины были приготовлены еще съ вечера, и когда онъ скипѣлъ, то она напоила старушку чаемъ и сварила для нея яйцо.

Еремѣевна смотрѣла на нее старческими, ласковыми глазами, качала головой и все крестилась.

— Пошли тебѣ, Господь, счастья, моя ненаглядная! шептала она. — Матерь Божія, возблагодари тебя сторицею за твою ласку и доброту!

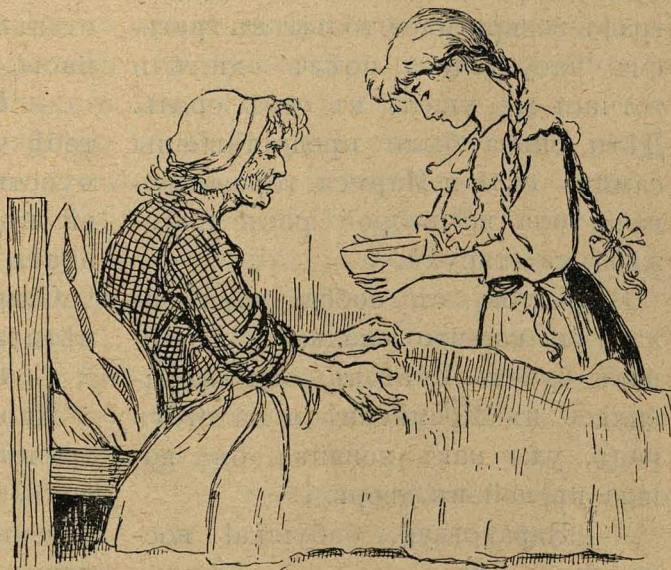
Маруся кормила ее и все время косилась на фарфоровые часы. Почему они находятся здѣсь? Отчего такъ дорожить ими старуха? Они стояли и все переднее стекло на нихъ было засижено мухами. Марусѣ ужасно, неудержимо захотѣлось вдругъ взять ихъ въ руки, осмотрѣть ихъ со всѣхъ сторонъ и обтереть на нихъ стекло, но она побоялась навлечь на себя подозрѣніе Еремѣевны и быть не деликатной и сдержала себя.

— Ну, бабушка, мнѣ пора! сказала она наконецъ, когда все въ избушкѣ было прибрано и приведено въ порядокъ. — Прощай! Меня ждутъ!

Старушка взяла ее за руку, протянула ее къ себѣ и молча благословила ее большимъ крестомъ. Такъ дѣлала она въ былые годы, когда укладывала еще покойнаго барона Зандерса въ постельку и желала ему счастливаго сна.

— Прощай, моя золотая! отвѣтила она. — Господь тебя благословить!

Маруся возвратилась домой къ самому завтраку. Графъ еще не возвращался съ поля, графиня по прежнему сидѣла у себя въ будуарѣ, а Кити, Максъ и Леночка думали, что Маруся проснулась только сейчасъ и только что вы-

— Попей, бабушка, молочка!..

шла изъ своей комнаты, прыгали вокругъ нея и дразнили:—

— Засоня! Засоня! кричали они. — Любишь долго спать! Ай-ай-ай! Засоня! Стыдно! Стыдно!

Она не возражала имъ и принялась раскладывать имъ завтракъ на тарелки. Дѣти завтракали одни и она была теперь за хозяйку. Гаврила Николаевичъ смотрѣлъ на нее глазами, полными умиленья, а Графѣна стояла у двери и подперши ладонью щеку, ласково причитала:—

— Ахъ, ты наша хозяйюшка милая! И уродить-же Господь такое дите! Вѣдь какъ своими рученьками-то на тарелки всѣмъ накладываетъ!

Графинѣ подавали завтракъ въ будуаръ, при чемъ ей служила при этомъ горничная, носившая туго-накрахмаленный чепецъ, а графъ возвратился только въ третьемъ часу. — Онъ поѣлъ одинъ и тотчасъ-же ушелъ къ себѣ спать. Дѣти снова были предоставлены самимъ себѣ и Маруся торжествовала: она во второй разъ побѣждала къ старухѣ.

Захвативъ съ собою чаю, сахару и кое-что сладкаго и нарвавъ букетъ цвѣтовъ, она отправилась къ Еремѣевнѣ и на этотъ разъ, уже какъ хозяйка, она вошла къ ней въ дверь.

— Здравствуй, бабушка! воскликнула она.

— Здравствуй, милая... отвѣ-

тила ей старуха, но такимъ голосомъ, по которому Маруся могла догадаться, что ей было худо.

Еремѣевна лежала въ постели, вытянувшись во весь свой ростъ и закрывши глаза. При входѣ Маруси она открыла ихъ и закрыла вновь.

— Я принесла тебѣ сладенькаго и цвѣтовъ, сказала Маруся.

— Спасибо, милая... такъ-же безвучно отвѣтила старуха.

Маруся опять поставила самоваръ, приготовила ей чай, приподняла ее, усадила, накормила и напоила.

— Который часъ?.. спросила Еремѣевна снова повалившись на постель.

— Уже четыре, отвѣтила Маруся.—Когда я выходила изъ дому, то было три.

И она невольно посмотрѣла на стоявшіе на полочкѣ фарфоровые часы.

— Бабушка, позволь я заведу тебѣ часы! предложила она и почувствовала, какъ кровь бросилась ей въ лицо. — Тогда ты будешь знать сколько времени...

Старушка, подумала и тихо отвѣтила:—

— Ну, заведи!..

Маруся подошла къ полочкѣ и трепетными руками коснулась часовъ. Она обмочила кончикъ полотенца въ водѣ и отерла имъ переднее стекло и сдула съ фарфора пыль. Затѣмъ, не зная, от-

куда заводить, она повернула часы къ себѣ задней стороною и отворила дверцу. Что-то маленькое, металлическое выскочило изъ нихъ и упало на полъ. Маруся была слишкомъ взволнована и занята своимъ дѣломъ, чтобы это замѣтить. Она заглянула внутрь часовъ, что-бы понять, какъ они заводятся и вдругъ, къ удивленію своему, увидѣла въ нихъ небольшой конвертъ. Онъ уже пожелтѣлъ отъ времени и расклеился отъ сырости и, повидимому въ него былъ вложенъ какой-то предметъ, который вывалился изъ него, а можетъ и былъ кѣмъ-нибудь вынутъ изъ него въ свое время.

„Что-бы это такое могло быть?“ подумала Маруся.

Она поглядѣла украдкой на старушку. Еремѣвна лежала на спинѣ, съ закрытыми глазами, какъ будто въ забытіи, и ничего не видала. Тогда Маруся вынула изъ часовъ конвертъ и оглядѣла его со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ маленькій, изъ толстой бумаги и на немъ была сдѣлана слѣдующая надпись:

„Моей воспитанницѣ Маріи, когда ей исполнится 10 лѣтъ“.

Сердце у Маруси забилося. Ей сразу-же пришло на умъ все, что успѣла уже рассказать ей Аграфена о томъ, какъ покойный баронъ Зандерсъ каталъ ее въ колясочкѣ по аллеямъ парка, и припомнились разговоры объ этихъ

фарфоровыхъ часахъ и опасенія графа. Неужели-же эта воспитанница барона—именно она, Маруся, неужели это письмо адресовано именно къ ней? Но она была слишкомъ далека отъ всего этого, чтобы долго останавливаться на предположеніяхъ, и стала отыскивать то мѣсто, гдѣ нужно было заводить часы. Конвертъ лежалъ тутъ-же, на полочкѣ, она не сводила съ него глазъ и въ то-же время ощупывала пальцами часы. Найдя наконецъ заводъ, она повернула нѣсколько разъ пружину и толкнула маятникъ. Онъ затикалъ и часы пошли. Старушка по прежнему лежала, закрывши глаза. Маруся положила конвертъ обратно на прежнее мѣсто, повернула часы лицомъ къ себѣ, перевела стрѣлки, они пробили четыре и, довольная собою, что не уступила искушенію и не заглянула въ конвертъ, она отправилась къ старушкѣ.

По дорогѣ она на что-то наступила. Она нагнулась и подняла съ полу небольшой ключъ. Онъ былъ прекрасной, старинной рѣзной работы и никоимъ образомъ не могъ принадлежать къ вещамъ Еремѣвны. Она оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и подошла къ старушкѣ.

— Бабушка, сказала она, — это ты, должно быть, потеряла ключикъ?

— Что? спросила старушка.

— Это я, бабушка!..

— Это не ты потеряла ключикъ?

Старушка, приподнялась, взяла отъ нея ключъ и тоже оглядѣла его со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, милая, это не мой, отвѣтила она.—У меня такого не бывало. Положи его куда-нибудь!..

Маруся положила ключъ на полочку подъ образомъ, дала старушкѣ попить, а затѣмъ простилась съ ней и побѣжала домой.

Шель уже пятый часъ. Солнце перешло уже на вторую половину своего пути и слышно было, какъ высоко въ воздухѣ жалобно мурлыкали журавли, потянувшіеся къ югу. Маруся бѣжала, насколько

хватало у нея силъ. Щеки у нея пылали. Мысль о томъ, что ее могутъ хватиться дома и начнутъ искать, беспокоила ее, къ тому же ее волновало и то, что она узнала какую-то тайну, смысла которой она еще не понимала, но о которой догадывалась, что это дѣйствительно была тайна. Не могло быть никакого сомнѣнія, что старушка берегла эти часы именно только потому, что знала, что въ нихъ находилось это письмо, которому она придавала большое значеніе и которое вмѣстѣ съ часами должна была передать какой-то таинственной Маріи.

Кто-же была эта Марія? Что содержало въ себѣ это письмо?

Маруся бѣжала, задыхалась, давала себѣ эти вопросы, на которые не могла дать отвѣта и то и дѣло хваталась за сердце.

Дома ея дѣйствительно уже хватились. Ее нѣсколько разъ спрашивалъ графъ, дѣти искали ее по всему парку, вышла блѣдная, утомившаяся отъ головной боли, графиня и первымъ дѣломъ позвала къ себѣ ее. Но ея не было нигдѣ. А когда она пришла домой и всѣ бросились къ ней съ разспросами, то она овладѣла собой и, какъ ни въ чемъ не бывало, сообщила, что была у старой Еремѣевны, которая больна такъ, что не встаетъ уже съ постели, что подоила у нея козу и поставила ей самоваръ и рассказала это такъ просто,

что графъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловаль въ обѣ щеки, а графиня нѣжно погладила по головѣ. Дѣти смотрѣли на нее какъ на героиню. А затѣмъ графъ вышелъ, кликнувъ къ себѣ Аграфену, долго шептался съ ней о чемъ-то и что-то ей приказывалъ, а когда насталь вечеръ, то Маруся видѣла, какъ Аграфена отправилась къ старухѣ съ полной корзиной разныхъ съѣстныхъ припасовъ и лекарствъ. Проводивъ ее глазами, Маруся долго еще ходила по комнатамъ и думала о часахъ и о письмѣ.

„Кто-же это такая воспитанница Марія?“ думала она. — „Къ кому адресовано это письмо?“

И ей хотѣлось отозвать въ сторону графа и рассказать ему обо всемъ, но врожденная деликатность удержала ее и она рѣшила оставить дѣло до утра или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оно не заговорить о себѣ само.

Въ девятомъ часу вечера, когда всѣ сидѣли при свѣтѣ большой лампы вокругъ стола и графъ раскладывалъ пасьянсъ, а графиня перелистывала полученные съ почты журналы, вдругъ послышался звонъ колокольчиковъ. Всѣ насторожились.

— Это къ намъ! сказалъ Максъ.

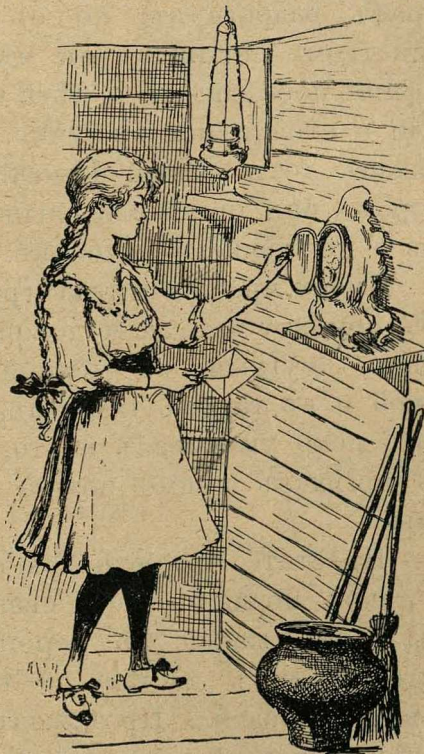
— Едва-ли... отвѣтилъ графъ. — Кто-нибудь ѣдетъ мимо.

Но звонъ колокольчиковъ все приближался и приближался, дѣти

переполошились и повисли на окнахъ, стараясь разглядѣть хоть что-нибудь въ темнотѣ, графъ уже пересталъ слѣдить за ходомъ пасьянса, а графиня приподняла голову и стала прислушиваться.

— Если это становой приставъ или какой-нибудь чиновникъ, сказалъ графъ, — то надо имъ предложить во флигелѣ ночлегъ и дать чего-нибудь поѣсть...

Въ это время раздался лай собакъ, послышался топотъ копытъ и хрустѣнье колесъ по песку и кто-то остановился у крыльца. По заведенному обычаю, заслышавъ прѣвзжихъ, къ нимъ на встрѣчу

Въ часахъ оказался конвертъ.

выбѣжали Гаврила Николаевичъ и горничная въ туго накрахмаленномъ чепцѣ и буфетный мужикъ Тимофѣй уже выскочилъ изъ людской на дворъ, чтобы выгружать багажъ.

Послышался въ передней чей-то мужской голосъ, раздалось топанье ногъ и кто-то спросилъ: — Дома?

— Такъ точно, ихъ сѣтельства у себя-съ! слышался отвѣтъ Гаврилы.

Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и въ ней показался самъ Гаврила Николаевичъ.

— Баронъ Игнатій Матвѣевичъ фонъ-Зандерсъ! доложилъ онъ. — Прикажете принять?

Графъ вздрогнулъ, но съ достоинствомъ поднялся съ мѣста. Графиня поблѣднѣла, а дѣти притихли и столпились въ кучку. Это пріѣхалъ тотъ самый Игнатій, о которомъ они привыкли слышать, какъ о нехорошемъ человѣкѣ.

— Проси, проси! отвѣтилъ графъ.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, смуглый, съ черной бордкой и въ такомъ костюмѣ, который ясно указывалъ на то, что онъ пріѣхалъ прямо изъ-за границы.

— Простите, что беспокою васъ въ такой поздней часъ, сказалъ онъ; — задержался въ дорогѣ и долго не могъ достать себѣ на станціи лошадей... Проѣзжалъ по желѣзной дорогѣ мимо и такъ захотѣлось взглянуть на эти мѣста

въ которыхъ бѣгалъ еще гимназистомъ, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи и заѣхалъ къ вамъ.

Его усадили за столъ. Гаврила накрылъ для него ужинъ и чай, поставилъ вина и сталъ прислушивать такъ, какъ полагается въ хорошихъ аристократическихъ домахъ. Тѣмъ временемъ горничная приготовляла для него въ комнатѣ для пріѣзжихъ постель и когда кончилась первая неловкость знакомства и гость утолил свой голодъ и начался разговоръ, то дѣтей послали спать. Они долго еще переговаривались между собой объ Игнатіи, а Маруся не спала и все думала о разговорѣ графа съ графиней въ аллеѣ, когда она играла въ палочку-воровочку въ паркѣ и сидѣла, спрятавшись въ кустѣ. Что, если онъ пріѣхалъ, чтобы отнять у нихъ все и выгнать ихъ изъ усадьбы вонъ? Куда тогда дѣнутся Кити, Максъ и Леночка? Что тогда будутъ дѣлать графиня и графъ?

И она не спала, ворочалась съ боку на бокъ, негодовала на себя, что не заглянула тогда въ письмо и не сообщила обо всемъ графу, но въ то-же время совѣсть ея была спокойна и подсказывала ей, что она была права. Изъ столовой до ея комнаты доносились голоса, но изъ разговора ничего нельзя было понять и когда наконецъ пробило одиннадцать часовъ и гость про-

стился и прошелъ къ себѣ, то мимо ея комнаты раздалися шаги графа и графини. Онѣ тоже шли къ себѣ.

— Зачѣмъ онѣ пріѣхаль? услышала Маруся голосъ графини. — Что ему здѣсь надо?

— Не знаю, отвѣтилъ графъ. — Боюсь только, что старуха знала, что онѣ долженъ былъ пріѣхать. Онѣ первымъ дѣломъ освѣдомился о ней и очень удивился, когда узналъ, что она живетъ въ деревнѣ.

И они вошли къ себѣ въ комнаты и заперли за собою дверь.

Затѣмъ все въ домѣ стихло и слышно было только, какъ лакей Гаврила убиралъ въ столовой посуду и какъ ему помогала Аграфена. Потомъ и они тоже потянулись спать. Когда они проходили мимо двери Маруси, то Гаврила тихонько сказалъ:

— Игнатій Матвѣевичъ — единственный Зандерсъ и все это имѣніе послѣ нашего покойнаго барона должно принадлежать ему. А графиня — какая-же она Зандерсъ?

— Стало быть молодой баронъ пріѣхалъ сюда, чтобы отобрать у нихъ имѣнье? спросила такъ-же тихонько Аграфена.

— А ужъ это его дѣло, отвѣтилъ Гаврила. — Я лакей — и мое дѣло сторона!

И они разошлись каждый въ свою каморку.

Сердце у Маруси забилось. Если ужъ такъ стала говорить и прислуга, то значить, что для графской семьи предстояла серьезная опасность. Маруся упала головою на подушки и горько заплакала. Ахъ, зачѣмъ она еще такая маленькая, что не можетъ помочь графу и графинѣ и тѣмъ отплатить имъ за ихъ расположеніе и любовь?

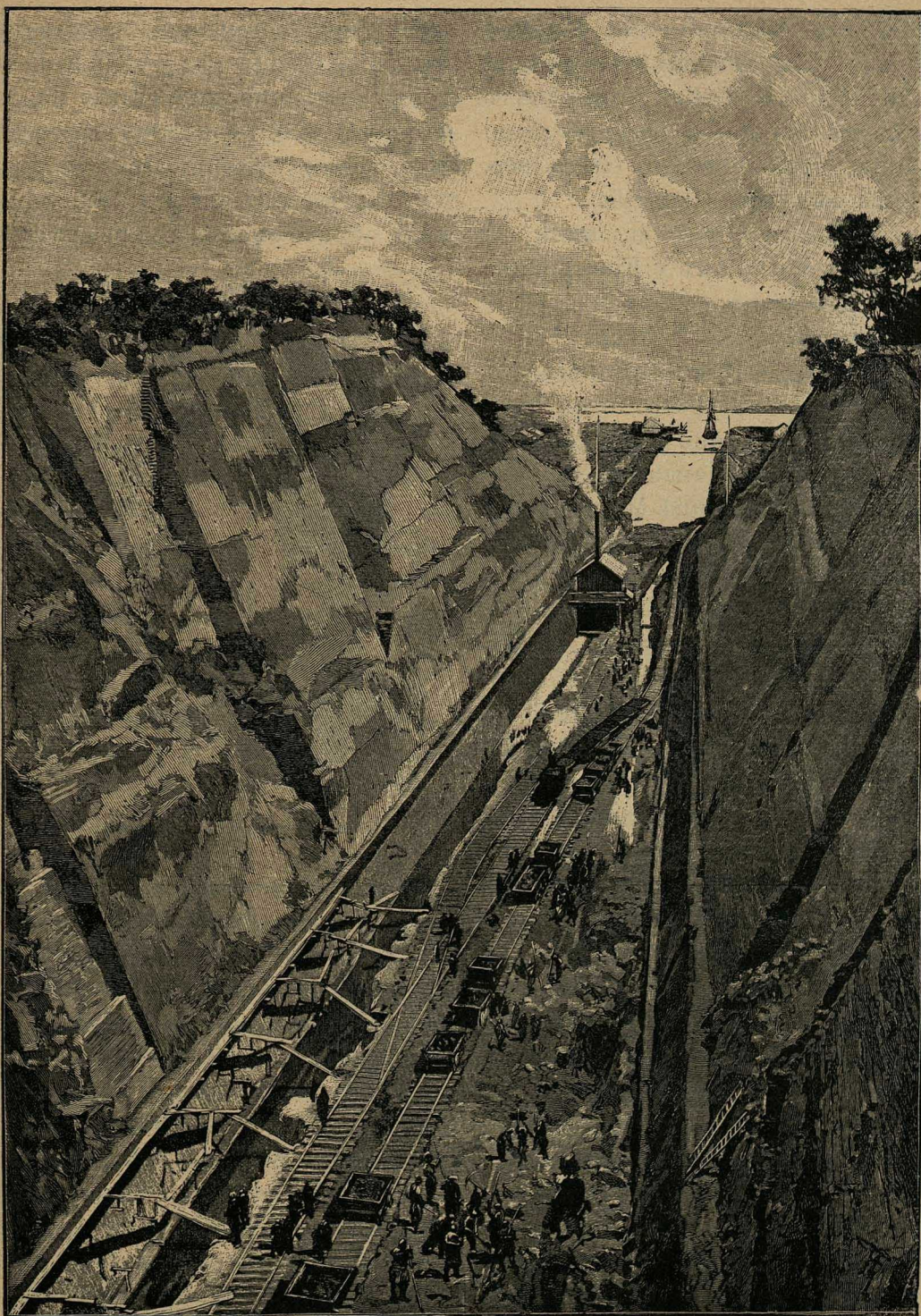
Не спавши, какъ слѣдуетъ, двухъ ночей подрядъ, Маруся опять проснулась поздно, когда встали ужъ всѣ. Ее опять никто не разбудилъ. Когда она вышла въ столовую, то графа по обыкновенію еще не было, онѣ уѣхалъ на молотьбу, графиня заперлась у себя, а дѣти бѣгали по парку. Какъ и вчера, она отпила наскоро чай и побѣжала къ Еремѣевнѣ въ деревню. Нужно было подоить козу, выпустить куръ и если понадобится, то и поставить самоваръ. Она опять нарвала цвѣтовъ, которыя уже не были такъ душисты, какъ въ срединѣ лѣта, и отправилась съ ними къ старухѣ.

„Навѣрное гость еще спитъ“, думала она, пробѣгая мимо. — „Или, быть можетъ, онѣ вмѣстѣ съ дядей уѣхалъ въ поле“...

Каково-же было ея удивленіе, когда, придя къ Еремѣевнѣ, она услышала голосъ Игнатія. Онѣ о чемъ-то громко говорилъ и она отвѣчала ему слабо, чуть слышнымъ голосомъ. Думая, что онѣ

Деревушка въ Тироли, въ Австрiи.

Прорытіе Панамскаго канала.

скоро отъ нея уйдетъ, Маруся прошла прямо въ хлѣвогъ и стала гладить козу. Хлѣвъ примыкалъ прямо къ избушкѣ и въ немъ было слышно отъ слова до слова все, о чемъ говорилъ Игнатій.

— А это что у тебя, няня, за часы? спросилъ онъ у Еремѣевны.

Она ему что-то отвѣтила.

— Да здѣсь что-то лежитъ! продолжалъ онъ.—Какое-то письмо! А ну-ка посмотримъ! Это интересно!

И Маруся ясно разслышала, какъ онъ его прочиталъ:

„Моей воспитаницѣ Маріи, когда ей исполнится 10 лѣтъ. Маруся, возьми прилагаемый ключъ и отправься ко мнѣ въ бібліотеку. Сними тамъ съ полки второго шкафа третій томъ Исторіи Карамзина и въ немъ, на стр. 232-й, ты найдешь письмо. Тамъ указано, гдѣ находится мое духовное завѣщаніе и кому должно принадлежать все, что останется послѣ меня“.

Сердце у Маруси забилося. Значить, послѣ покойнаго барона дѣйствительно осталось духовное завѣщаніе и если теперь имъ воспользуется Игнатій, если оно составлено въ его пользу, или уничтожить его, если оно составлено въ пользу другихъ, то семья графовъ Корницкихъ останется ни съ чѣмъ. Все должно достаться ему.

— Но гдѣ же ключъ? опять слышался голосъ Игнатія.—Здѣсь сказано „возьми прилагаемый ключъ“, а его-то здѣсь и нѣтъ!

Маруся вспомнила, какъ вчера что-то вывалилось у ней изъ чашовъ, какъ она наступила на это что-то и это оказалось ключемъ. Что, если теперь Игнатій догадается, что онъ лежитъ на полочкѣ подь образомъ и возьметъ его себѣ?

Она обняла козу за шею...

И она расплакалась, слезы брызнули у нея изъ глазъ и, припавъ къ козѣ и обнявъ ее за шею, она припала къ ней щекой и плакала, плакала безъ конца. А затѣмъ она услышала, какъ Игнатій простился со старухой и какъ его шаги раздались уже на дворѣ. Тогда она выскочила изъ своей засады, вбѣжала въ избушку и сказавъ что-то въ привѣтствіе старушкѣ, быстро подбѣжала къ полочкѣ подь образомъ и съ трепетаніемъ сердца заглянула на нее.

Драгоценный ключъ все еще находился тамъ. Она схватила его, сжала въ кулачокъ и сунула къ себѣ въ карманъ. А затѣмъ она дала Еремѣевнѣ выпить молочка и со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать къ себѣ домой.

— Страница 232-я, шкафъ второй, шептала она дорогой. — Томъ третій, „Исторія Карамзина“. Боженька, помоги мнѣ не забыть!

Она бѣжала домой и единственною цѣлью ея было поспѣть въ усадьбу какъ можно раньше, прежде, чѣмъ вернется туда Игнатій. И она бѣжала изъ всѣхъ силъ, часто падала, подымалась и бѣжала снова, сжимая въ кулачкѣ завѣтный ключъ.

Когда она возвратилась домой, то Игнатія еще не было. Очевидно онъ возвращался другой дорогой или зашелъ въ лѣсъ и она его обогнала.

Красная, запыхавшаяся, съ растрепанными волосами, едва владѣя собою, она вбѣжала въ будуаръ къ графинѣ.

— Тетечка, милая, хорошая, дорогая, залезетала она. — Позволь мнѣ прочесть „Исторію Карамзина“!

Графиня подняла на нее глаза отъ вышиванья.

— Что это ты такъ вдругъ прониклась исторіей? отвѣтила она. — прочитала-бы лучше „Робинзона Крузо“!

— Нѣтъ, тетечка, мнѣ хочется Карамзина! Это такъ интересно!

Графиня поднялась и достала ключи отъ библіотеки.

— Много будешь знать, скоро состаришься, продолжала она. — А ты не помнишь, Маруся, въ какомъ шкафу у насъ Карамзинъ?

— Во второмъ! быстро отвѣтила Маруся.

„И все-то она знаетъ!“ подумала о ней графиня. — „Каждая книжка ей знакома!..“.

И она протянула ей ключъ отъ шкафа. Маруся торжествовала. Она бросилась чуть не опрометью въ библіотеку, отперла второй шкафъ и достала съ полки третій томъ „Исторіи Карамзина“. Сердце ея трепетало. Раскрывъ страницу 232-ую, она увидела тамъ записку. Дрожавшими отъ волненія руками она поднесла ее къ глазамъ и прочитала слѣдующія строки:

„Мое духовное завѣщаніе находится въ потайномъ несгораемомъ шкафу, вмазанномъ въ кабинетъ въ стѣну, около двери, выходящей на балконъ; это мѣсто завѣшано картиной, изображающей фрукты и цвѣты. Ключъ—въ фарфоровыхъ часахъ, и, надѣюсь, онъ теперь уже у тебя. Баронъ Зандерсъ“.

Маруся ухватила за сердце и опустилась въ кресло. Все замелькало у нея въ глазахъ. Въ первый разъ за всю свою еще недолгую жизнь она почувствовала, что ей становится дурно, и показалось, что полъ выскользнулъ у нея изъ-подъ ногъ и потолокъ го-

товъ обрушиться на нее и задавить. Какой-то комъ подкатилъ ей къ горлу, ей захотѣлось вдругъ заплакать, громко засмѣяться и въ то-же время чувство остраго стыда за свою слабость наполнило все ея существо.

И вдругъ въ прихожей послышался голосъ Игнатія. Что, если онъ войдетъ сейчасъ сюда? Въ кабинетѣ тоже раздались шаги графа. Онъ шелъ на встрѣчу къ Игнатію и какъ разъ черезъ бібліотеку. Маруся не знала, что онъ такъ близко отъ нея, и стала теряться, какъ ей поступить.

— Что это ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ ее графъ, войдя въ кабинетъ.

Она овладѣла собой, вскочила и, чтобы не выдать своего секрета,

быстро захлопнула „Исторію Карамзина“ и поставила ее въ шкафъ на мѣсто.

Увидавъ такое ея неестественное, быстрое движеніе, графъ заподозрилъ, что она была здѣсь тайкомъ и читала недозволенные книги, и, строго посмотрѣвъ на нее, заперъ шкафъ на ключъ, положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и вышелъ изъ кабинета.

— Боже мой, что я надѣлала! воскликнула по его уходѣ Маруся и схватилась за голову. — Вѣдь записка осталась въ книгѣ на той-же самой страницѣ, на которой и была!

И будучи уже не въ силахъ больше сдерживать себя, она упала лицомъ на диванъ и залилась горячими слезами.

К. Тр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

— В Е С Н О Ю. —

Тропинкой узкою по скатамъ
Я къ лѣсу темному иду.

Уборомъ нѣжно-розоватымъ
Одѣлись яблони въ саду.

Какъ снѣгъ на солнцѣ стаялъ
скоро!

Бѣгутъ ручьи съ полей и кручъ,
Напротивъ—въ лужѣ у забора
Играетъ ярко солнца лучъ.

Вокругъ меня жужжитъ и вьется
Неугомонная пчела...

Вчера у стараго колодца
Я много ландышей нашла.

Въ прозрачномъ, утреннемъ
туманѣ

Стоять зеленныя поля...

Синѣетъ лѣсъ. И на полянѣ
Струится запахъ миндаля.

Е. Селунская.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы два слова, означающія:

1) То, безъ чего не могутъ вырости млекопитающіяся животныя.

2) Большую деревню съ церковью.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по послѣднему слогу и поставить эти слоги рядомъ. Къ тому, что получится, прибавить то, что вбиваютъ въ землю.

Должно получиться то, что бываетъ на каждой церкви.

Что это такое?

II.

Задумано слово, означающее то, безъ чего не могутъ обойтись маленькія дѣти.

Если первый слогъ этого слова поставить въ концѣ его и прибавить затѣмъ часть слова „противъ“, то получится паровозъ.

Какое слово задумано?

III.

Задуманы три слова, означающія:

1) Домашняго вреднаго грызуна.

2) То, что мы посылаемъ черезъ почту.

3) То, что есть въ каждой лавкѣ и въ каждомъ магазинѣ.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и со-

ставить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее предметъ, имѣющійся почти въ каждой русской семьѣ.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IV.

Взяты первыя строки извѣстной басни Крылова. Въ нихъ перепутаны слоги и поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Про, ни, тетъ, каз, рать, квар, ца, сыг, мар, ли, тыш, я, ка, тѣ, о, за, сель, ка, ко, миш, зелъ, пый, да, ла, со, ко.

Разставить слоги такъ, чтобы вышли первыя строчки басни Крылова.

V.

Названія двухъ насѣкомыхъ поставлены рядомъ и оба вмѣстѣ состоятъ изъ 12 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12.

Буквы 5. 6. 9. 8. означаютъ то, изъ чего дѣлаютъ обувь и кошельки, 11. 3. 8. 1. 5. 8 — то, что предохраняетъ дерево отъ гніенія и даетъ ему красивый видъ, 10. 7. 6. 3. 12 — то, что дамы вышиваютъ по канвѣ, 1. 2. 3. 6. 5. 8 — то, изъ чего состоятъ книга и письмо, 2. 3. 4. 1. 11. 12 — то, что издають молѣнья, когда горять.

Какія это слова и названія какихъ насѣкомыхъ задуманы?

Шуточные вопросы.

1) Ребенокъ сильно плакалъ; мать купила варенья и дала ему ѡсть; онъ стихъ. Какъ это все выразить однимъ словомъ?

(Предложили П. и Н. Миллеръ).

2) Что дѣлаетъ человекъ, когда читаетъ?

3) Изъ чего состоитъ небо и чѣмъ оно кончается?

(Предложила Н. Тифлова).

4) Почему въ 1812 году Наполеонъ со своей арміей пошелъ именно на Москву, а не на Петербургъ?

5) Когда мы пишемъ письмо, то обмакиваемъ перо въ чернила. Зачѣмъ мы это дѣлаемъ?

6) Стоялъ жирафъ за кустомъ и пилъ воду. Явились негры, поймали его и увели въ неволю. Зачѣмъ они его поймали и за что посадили въ неволю?

7) Ъхалъ торговецъ съ горшками. Колесо у телѣги соскочило и горшки разсыпались. Почему именно они разсыпались?

Рѣшенія головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 11 „Золотого Дѣтства“:

Головоломки. I) Колось и соколь. II) Волъ + осы = волосы. III) ...го-ло + ва (голова), спи + на (спина), ...ру + ка (рука), ...чело, ...ухо, ...но + съ (носъ), ...гла + за (глаза), ...ребро, ...бро + ви (брови), ...гу + бы (губы), ло + б (лобъ), ...ще + ка (щека).

Ребусъ № 11. Ес + ли + вы + уста + ли + часъ + тополь + ива + ть + цвѣты + томы + с + дѣла + емъ + эт + оса + ми = Если вы устали часто поливать цвѣты, то мы сдѣлаемъ это сами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Шура Амосова изъ Кіева, С. А. Шмигельскій, Никсъ, Шура Липшицъ изъ Острополя, Нуна и Галпа Яро-

шевскія изъ Синельникова, Гургенъ и Минасъ Лачиновы изъ Елисаветполя, Вова Зенинъ изъ Пензы, Валя Кумшадкая изъ Чугуева, Муза Смирнова изъ Калуги, Солярская изъ Вязниковъ, Станиславъ Квинто изъ Джульфы, Шура и Коля Парфеновы со ст. Новониколаевскъ, Тамара и Костя Шидловскіе изъ Харькова, Тania Домашнева, Зина Сапожкова изъ Каменца Подольска, «Золотая Дѣтка», Лена и Галя Сурины изъ Калуги, Зося Боброва, Толя и Саша Стратоницкіе изъ Нѣжина, Федоръ Реймерсъ со ст. Ингулецъ, Сережа Тушканчикъ, Шура, Володя и Гутя Динглеръ, Шура и Маруся Климовы изъ Кугульты, Ваня Лиастратовъ, Женя Стрекоза, Ира Авдіева, Костя Гонсеровскій изъ Рославля, Ипполитъ Телѣгинъ со ст. Фаличи, Тоня Мельникова со ст. Брянскъ, Дуська и Манюша Крыловы изъ Рязска, Коля и Вада Пастуховы, Сережа Григорьевъ, Миша Суровецъ, Галя Русиловичъ изъ Ковеля, Тамара и Гея Коровкины изъ Кириллова, Зина Анцъ изъ Гапсали, Валентинъ Шпаковскій изъ Острова Ломж. г., Юра Штоль изъ Лодзи, Андрей Озерецковскій изъ Кіева, Катя и Сережа Ситниковы изъ Москвы, Оля, Миша, Лена Маловы изъ Царицина, Лиза, Вѣра и Витя Беневоленскіе со ст. Нижнеудинскъ, Вѣрочка и Боречка Рачинскіе, Евгений Лукьяновъ изъ Екатеринодара, Ваня и Юля Томиловы изъ Твери, Катруся

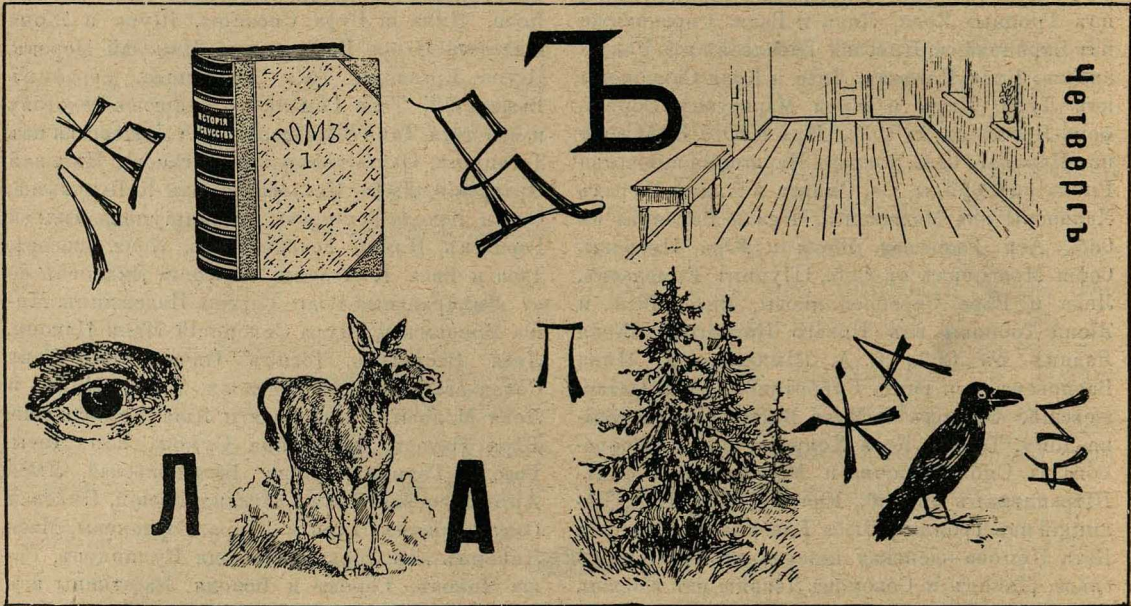
Бобкова со ст. Ломъ, Леня Христорожественскій изъ Алексина, Туся Дмитревская изъ Ростова, Алла и Гали Дудукаловы изъ Теріюкъ, В. Румшевичъ, Аня Антушева, Сережа Фохтъ изъ Гродны, Коля, Лена и Валя Смолявицкіе изъ Барановичъ, Николай Васильевъ изъ Радзивилова, Коля Павловъ, Лиза и Коля Самсоновы изъ Луги, Людя и Муся Маркусонъ, Борисъ фонъ-Бремзенъ въ Спб., Ира и Юра Зубовскіе изъ Царскаго Села, Конрадъ Черноцкій и Золотая Рыбка изъ Суйды, Ся, Сипита и Хаджи-Мурадъ Халиловы изъ Маджилиса, Нелли Баранова въ Спб., Ася Ржевская, Жена и Юра Петровы, Софія Мееровичъ въ Спб., Шурикъ Ермолаевъ, Лена и Вѣра Серебренниковы, Витя, Валя и Жена Дроновы изъ Новаго Петергофа, Жена Радинъ въ Спб., С. А. Шмигельскій, Нина Васильева—уч. гимн. Субботиной, Коля Олтаржевскій, Эргардъ и Муся Витте изъ Ростова-Дону, Тая и Коля Хомратъ, Лидуся Софропова въ Спб., Вѣрочка и Максимилянъ фонъ-Штрадтманъ въ Спб., Юра Беренсъ, В. А. Долицкій изъ Троицка, Люба Елагина изъ Москвы, Катя Попова—донская казачка изъ Екатеринослава, Давидъ и Соломонъ Левины изъ Москвы, Лея фонъ-Бремзенъ изъ Астрахани, Борисъ Гольдзамдъ изъ Бугуруслана, Гургенъ и Минасъ Лачиновы изъ Елисаветполя, Митя Великосельскій изъ Новороссійска, Елена Нѣменко-Бабковская, Оля Макарова изъ Новочеркаска Коля Еремѣевъ и Володя Сѣчинъ въ Спб., Елена Мунтянъ изъ Кайракли, Сова и Нина Конашинскія, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Юра и Володя Корнѣенко изъ Харькова, Валя Александрова, Валя Аль изъ Курска. Оля Набокова изъ Самары, Анаида и Грета Поповы, Валя, Коля и Кируся Симаковы изъ Горбатова, Шура и Ляля Темины изъ Казани, Шура Вѣлаевъ, Зина и Маруся Евсиковы изъ Нижне-Чпрской, Викторъ Вальцгеферъ изъ Касимова Ксеничка Петреусъ, Симочка изъ Малоархангельска, Леня Юрасовъ изъ Новгорода, Оля Буковичка изъ Риги, Вѣра Зауеръ изъ Сухума, Воба и Гога Лаппа-Старженецкіе, Лея и Геня Ничко изъ Народицъ, Марфочка Датченко, Маруся и Гриша Вертелены изъ Ковно, Пава, Ваня и Коля Скларовы изъ Елисаветграда, Всеволодъ Токаржевичъ изъ Царицина, Д. Аксеновъ изъ Дорогобужа, Галина Вазилевичъ изъ Харькова, Петя, Коля, Шура и Боря Рышковы изъ Харькова, Семенъ Рабанъ изъ Вильны, Славчикъ Горскій, Ангеліва Луцкая, Миша Френкель, Леша Пылаевъ, изъ Митавы, Шуточ-

ка Ожигова въ Спб., Стасюня, Акюка и Янка Тодеско, Давидъ Сметанинъ, Сергій, Николай и Георгій Олтаржевскіе изъ Пинска, Дима Разумовскій, Шурета Вишенка изъ Одессы, Коля, Нина и Руфа Смолины, Шура и Жюня Пидотти, Игорь Вѣлорусовъ, Николай Моревъ, Шура Ергакова, Тася Долганова, Серафимъ Важинскій, Тоня Гомзякова, Андриша Федотовъ и его теть Тая Волкова, Мушка Ляшевская изъ Таганрога, Оля Губина изъ Луганска, Николай Орловскій, Люба Павловская изъ К. Подольска, Оля и Володя Тохторовы изъ Маріуполя, Андрей Гершунъ, Иванъ Гольдштейнъ, Коля Аносовъ, Тася и Вася Кошелевы, Анатолій Лихачевъ со ст. Минеральныя-Воды, Сережа Надеждинъ, Миша Брискманъ, Шура Сикорскій, Леня Цакони, Лея Васильева, Иосифъ Овчиниковъ, Тая Соловьева изъ Елисаветполя, Галя, Миша и Леня Маловы, Лиза, Лея и Яша Комаровскіе, Вѣра Зауеръ, Валентина Сукова изъ Читы, Володя Германъ, Жена Вѣлопольская, Люся Артоболевская, Толя Александровскій, Николай Омеляновичъ, Тая и Шура Горлачевы, Маса Липкинъ изъ Тифлиса, Володя Кудинцовъ, Саша Чаковъ, Сережа и Володя Касаткины изъ Самары, Симочка Орлова, Толя Григорьевъ, Володя Теремецкій, Софья Полѣнская, Тая Слюжинская, Кл. Забусова, Володя Левашовъ изъ Новороссійска, Коля Капустинъ, Оля Вендеровичъ, Оля Рыбакова изъ Омска, Соня и Нина Конашинскія, Коля Диго, Стефанъ и Анна Даргели, Влад. Долицкій, Ривуся Зегельманъ, Оля и Лена Доброславскія, Зина Савойская, Оля Торлопова, Маруся Рыбакова изъ Севастополя, Нина и Соня Конашинскія, С. Черепова, Всеволодъ Твердый изъ Севастополя, Мушка Ляшевская изъ Таганрога, Анатолій Овчаренко, Лиля, Юра и Валя Гарлинскіе изъ Кіева, Оля Доброславская изъ Славянска, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Муся Смирнова изъ Калуги, Галя и Жоржикъ Ротмистровы изъ Житомира, Павликъ Столбинъ изъ Кременчуга, Тая Макаренко изъ Рязани, Тамара Брантъ въ Спб., Ира Кальнина, Миша Суровецъ въ Спб., Павелъ Пршеменскій, Павля и Юля Федоровы, Жена Витушешниковъ въ Спб., Варя Павлидисъ изъ Ейска, Саша, Коля и Павлуся Даниловы, Володя и Рая Квитко изъ Острополя, ученицы Казанскаго Епархіальнаго Училища—Елизавета Иванова, Елена Голубева, Нина Егорова, Любовь Аксинина, Надя изъ Лебедина, Сима Борфельдъ изъ Булычева, Аня Антушева изъ Можайска.

Ребусъ № 13.

(Предложилъ Сережа Тушканчикъ).

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

ОТДЕЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ

№ 1

ПРОТОКОЛ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ

С. ПЕТЕРБУРГ, 1910 г.

В соответствии с постановлением Комитета по делам искусств от 15/10/10 г. и в целях пополнения коллекции музея...

всего в количестве 10 экземпляров, приобретенных за счет средств музея...

Список книг, приобретенных в количестве 10 экземпляров, приведен в приложении к настоящему протоколу...

Протокол составлен и подписан членами Комитета по делам искусств: Председатель Комитета...

ПОДПИСАНЫ ЧЛЕНАМИ КОМИТЕТА

1. Председатель Комитета по делам искусств, действительный член Академии наук СССР, профессор Л. А. Мухоморов

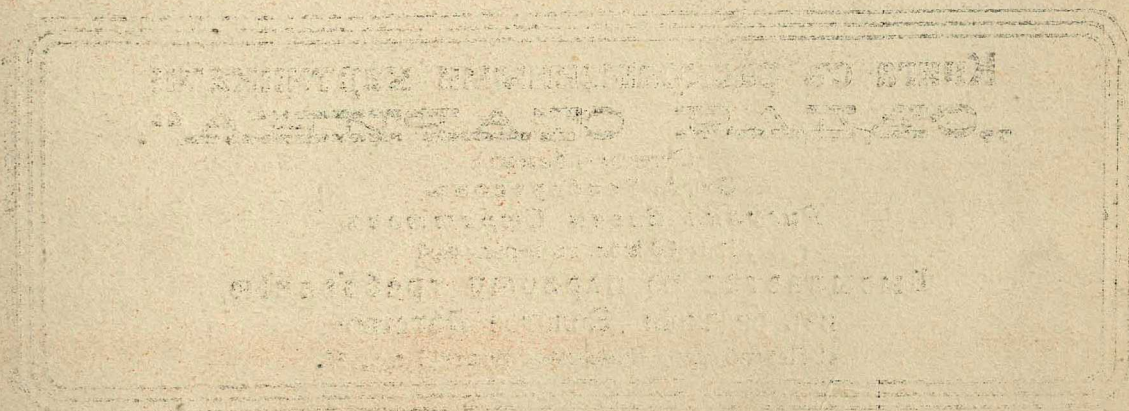
2. Члены Комитета по делам искусств: действительный член Академии наук СССР, профессор С. П. Шевырев

3. Члены Комитета по делам искусств: действительный член Академии наук СССР, профессор А. С. Соболев

4. Члены Комитета по делам искусств: действительный член Академии наук СССР, профессор В. П. Соболев

5. Члены Комитета по делам искусств: действительный член Академии наук СССР, профессор Г. П. Соболев

6. Члены Комитета по делам искусств: действительный член Академии наук СССР, профессор Д. П. Соболев

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ. 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.
Перемѣна адреса—28 коп.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“.

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“.
С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22.